

УДК 821.161.1.09-31+929 Гоголь

КУЗНЕЦ ВАКУЛА В ПОВЕСТИ Н. В. ГОГОЛЯ «НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ» КАК ОБРАЗ «ПороГОВОГО ЧЕЛОВЕКА»

Т. А. Волоконская

Саратовский государственный университет
E-mail: svilga@yandex.ru

В статье проводится анализ образа кузнеца Вакулы как одного из характерных для творчества Гоголя «пороговых людей», в природе которых совершается переход от потустороннего мира к человеческой реальности.

Ключевые слова: Гоголь, образ, посредник, граница, «пороговое» пространство, «пороговый» человек.

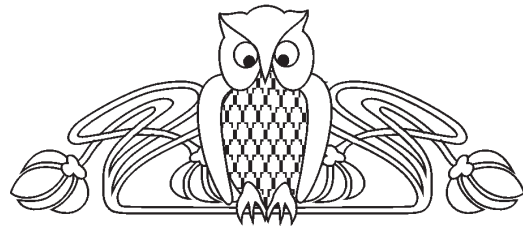
Blacksmith Vakula from N. V. Gogol's Story *Christmas Eve* as an Image of a «Liminal Being»

Т. А. Volokonskaya

In the article Gogol's image of the blacksmith Vakula is studied as one of the so-called «liminal beings», typical for the writer's works. In the nature of such creatures there is a transition from the supernatural world into the real one, which allows them to act as mediators.

Key words: Gogol, image, mediator, border, liminal space, liminal being.

Художественное зрение Н. В. Гоголя чем-то напоминает систему различно выпуклых и вогнутых линз, находящихся в безостановочном движении, то и дело пересекающихся или частично совпадающих друг с другом. В реальности, какой он ее изображает, его больше всего интересуют стыки, смычки, нахлесты элементов. Поэтому уже в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» обитаемый мир предстает перед нами как особое «пороговое пространство», постепенно формирующееся на перекрестке «того» и «этого» света¹. В таком пространстве между людьми и нечистой вместо положенного противостояния устанавливается привычное сосуществование вынужденных соседей. Например, в обязанности сорочинского заседателя на равных основаниях входят как необходимость знать, «сколько у каждой бабы свинья мечет поросят и сколько в сундуке лежит полотна», так и умение приметить ведьму, «потому что от сорочинского заседателя ни одна ведьма на свете не ускользнет»². Подобное смешение «своего» и «чужого» происходит едва ли не потому, что любое вновь образовавшееся «пороговое пространство» неизбежно заселяется специфическими, только ему присущими обитателями – «пороговыми людьми», в самой природе которых человеческое и потустороннее слиты и уже не подлежат разделению³. Одним из таких персонажей, на наш взгляд, можно считать кузнеца Вакулу из повести «Ночь перед Рождеством».

Среди героев «Вечеров» Вакула выделяется своим почти сверхъестественным везением, позволяющим ему то и дело одерживать верх над нечистой силой. Он с легкостью остается невредимым после столкновений, которые для других закончились бы серьезным ущербом или даже гибелью, потому что, как отмечает С. А. Гончаров, «в каждом случае, когда гоголевский персонаж выходит за собственные пределы, за пределы своего «места», своего «мира», своего «круга»<...> когда он направлен **вовне**, он обречен на катастрофу»⁴. Андрей Белый в подобной закономерности усматривает несчастливую судьбу, предназначенную любому «отщепенцу», «оторванцу от рода», родовая ущербность которого оборачивается личной незащищенностью, а «когда с родом ладно, обыгрывают «нечистых» (ПГ), или седлают их, как корковых скотов (НПР)»⁵.

Вот только где же это «ладно с родом» у Вакулы? Он наполовину сирота и вдобавок сын ведьмы, о чем известно всем его односельчанам. Судя по сведениям, которые можно обнаружить в тексте повести, отец кузнеца был обыкновенным человеком, с ним даже был дружен Чуб, как напоминает тому Вакула в эпизоде сватовства: «...ты ж когда-то брался с покойным батьком, вместе хлеб-соль ели и магарыч пили»⁶. Несмотря на это, Чуб то и дело отпускает в адрес кузнеца реплики, определяющие его происхождение как однозначно «нечистое»: «проклятый выродок», «вражий сын», «бесовской кузнец», «проклятый шибеник», «дьявольский сын»⁷. И как бы ни соответствовали такие прозвания ситуации и речевым обычаям малороссийского народа, а все, однако же, поневоле задумаешься: отчего Чуб так неласков с сыном бывшего друга («кузнец... был издавна не в ладах с ним»⁸), почему препятствует общению с ним Оксаны?

Возможный ответ на этот вопрос – в специфике профессии Вакулы. Кузнецом у Гоголя он становится не случайно: в мифологии многих народов мира эта профессия тесно связана со способностями мага, в том числе демиурга, создающего небесные светила (литовский Теляэль, финский Ильмаринен), – факт, придающий дополнительное значение краже месяца чертом в повести Гоголя. Кузнецами были боги (древнегреческий Гефест, древнеиндийский Индра Вишвакарман) или помощники божества (например, Кусар-и-Хусас в западносемитской мифологии, помогавший громовержцу Балу, но в то же время убедивший того сделать в доме окно,

сквозь которое бога наша смерть)⁹. У тюркских и монгольских народов кузнецы были подобны шаманам, и действие их магической силы «считалось настолько сильным, что им приписывалась способность губить враждебных им людей»¹⁰. Поэтому наравне с почетом профессии кузнеца сопутствовал страх односельчан, делавший его положение в обществе обособленным. На Руси, как следует из работы В. В. Иванова и В. Н. Топорова, ««коварством» называли буквально то, что сковано»¹¹; таким образом, кузнечное ремесло в народном сознании имело, помимо положительных, еще и угрожающе негативные коннотации. Даже общение с кузнецом у многих народов воспринималось «не только как потенциальная опасность, но и как осквернение»¹². В свете подобной традиции странное поведение Чуба начинает казаться вполне благоразумным.

Здесь следует уточнить, что у нас нет достаточных оснований настаивать на факте знакомства Гоголя с указанными фрагментами славянской и тем более мировой мифологии. Однако даже интуитивный выбор такой профессии для персонажа многое говорит об удивительной чуткости и внимании писателя к «пороговым» состояниям человека и реальности. Не углубляясь в сложные, не поддающиеся окончательной расшифровке вопросы психологии творчества, отметим только, что кузнечное дело в «Ночи перед Рождеством» рисуется именно как близкое потустороннему миру. Сама кузница воспринимается Вакулой как «нехорошее» место. Заметив в хате мешки с ухажерами Солохи (и в том числе с чертом, хотя герой об этом еще не знает), он произносит любопытную с точки зрения наших размышлений фразу: «Завтра праздник, а в хате до сих пор лежит всякая дрянь. Отнести их в кузницу!»¹³ Получается, «всякой дряни», которую негоже оставлять в жилом помещении (тем более накануне сакрального праздника), самое место в кузнице.

Кроме этого, «нечистый» характер кузнечного ремесла подчеркивается тем, что в речи Вакулы постоянно возникают упоминания железа и связанных с ним вещей. Качеством железа, пущенного на оковку сундука, хвастается он Оксане, надеясь завоевать ее расположение: «Железо на оковку положил такое, какого не клал на сотнику таратайку, когда ходил на работу в Полтаву»¹⁴. Стоимостью железа, потраченного на изготовление перил, оценивает он роскошь императорского дворца в Петербурге: «Боже ты мой, что за перила! какая работа! тут одного железа рублей на пятьдесят пошло!»¹⁵. Да и у самого кузнеца, судя по кокетливому возмущению Оксаны, «руки жестче железа»¹⁶. Последняя цитата заслуживает особого внимания, потому что железо, заменяющее живую плоть, в поэтике Гоголя всегда выступает в качестве атрибута нечистой силы: «шерсть на ней горит, и железные когти стучат по полу»¹⁷ – о мачехе-ведьме из «Майской ночи»; «лицо было на нем железное»¹⁸ – о Вие; «выставь ему

ведьму старость, к нему идущую, которая вся из железа, перед которой железо есть милосердие, которая ни крохи чувства не отдаст назад и обратно»¹⁹ – в статье «Предметы для лирического поэта в нынешнее время...» из «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Но и помимо навязчивых упоминаний железа есть в биографии кузнеца Вакулы множество событий, намекающих на его «пороговость». Так, в прошлом его – факт путешествия за пределы обитаемого мира цикла (Диканьки), в Полтаву, причем с особенной целью – красить сотнику забор, ограду, то есть возводить искусственную границу взамен естественных, разрушаемых в художественном мире «Вечеров» в том числе и самим появлением на свет Вакулы и подобных ему. В настоящем кузнеца – события не менее подозрительные: вокруг его побега из Диканьки мгновенно возникает вереница нелепейших слухов, тогда как у Гоголя сплетни, молва – неизбежный спутник всех странных происшествий, похожих на проделки нечистой силы, будь то танцующие стулья в «Носе», говорящие коровы в «Записках сумасшедшего» или Чичиков-Наполеон в «Мертвых душах». Наконец, в Петербурге герою достаются самые что ни на есть сомнительные «волшебные помощники»: не только черт, но и всему оседлому миру посторонняя компания запорожцев, в которых, по меткому наблюдению М. Я. Вайскопфа, «этимологизирован *порог*, переступаемый героем по пути в загробное *запорожье*»²⁰. Обратного перехода уже не произойдет: сватать Оксану Вакула явится, нарядившись «таким щеголем и запорожцем»²¹, что удивиться этому Чуб будет так же, как и чудесному «воскресению» кузнеца.

С другой стороны, кузнец в повести многократно называется человеком «набожным», «благочестивым», «богобоязненным»; характерно ликование обманутого черта: «Что теперь скажут мои товарищи, когда узнают, что самый набожнейший из всего села человек в моих руках?»²². Вакула – не только праведник, стойко сопротивляющийся искушениям, он «один исправлял должность церковного титара»²³ и дважды в повести расписывал церковь. Впрочем, «малевания» его заслуживают отдельного внимания. В начале повести смысл его росписи – изгнание черта из ада, в конце – водворение нечистого обратно в пекло и превращение его в буку, которым пугают плачущих детей²⁴. Отметим, что первый сюжет составляет интересную параллель к истории красную свитку из «Сорочинской ярмарки», завязка которой – «Раз, за какую вину, ей богу, уже и не знаю, только выгнали одного чорта из пекла...»²⁵ – происходит по неизвестной рассказчику и слушателям причине, подменяемой ворохом домьслов и предположений. Но и без этого совпадения Вакула-художник выступает в особой функции посредника между мирами, который по собственной воле временно снимает разделяющие

нечисть и людей границы точно так же, как снимаются они в самой его фигуре, представляющей собой сплав нормального и потустороннего.

В итоге судьба этого странного персонажа, как заметил Андрей Белый, становится моделью творческой судьбы Гоголя: «...чорт, перенесший Гоголя, как кузнеца Вакулу, в Петербург, да там и оставивший»²⁶. А сюжет борьбы кузнеца с чертом повторяется в истории религиозного живописца из повести «Портрет» – но если последний спасается от пагубного влияния ростовщика, создавая по обету образ Богородицы со святым Младенцем, то Вакула, оказавшись в императорском дворце и восхитившись подобным же изображением, почему-то оценивает его все же ниже простой медной ручки: «,...Сколь однако ж ни удивительны сии малевания, но эта медная ручка, – продолжал он, подходя к двери и щупая замок, – еще большего достойна удивления...»²⁷. Как бы ни был набожен кузнец, потусторонняя часть его природы исподволь подталкивает его к странным мыслям и поступкам.

Иными словами, слияние нормального человеческого мира и сферы хаоса, превращение их в одно «пороговое пространство» в художественном мире Гоголя может происходить не только по причине нарушения героем каких-то важных норм жизни. Благой порыв соответствовать этим нормам, возникая в душе персонажа, «порогового» по своей природе, тоже приводит к снятию оберегающих человека границ, и вслед за благочестивым титром и живописцем Вакулой вход в церковь открывается для ведьмы Солохи. Все это приведет к тому, что уже в «Вие» панночка, будучи такой же ведьмой, впустит в церковь всю нечистую силу, лишив Хому Брута (и в его лице – все человечество) последнего спасения от духовной гибели и поставив Гоголя перед необходимостью искать новые пути возрождения мира.

Примечания

- ¹ См. об этом: *Кривонос В.* Гоголь : Проблемы творчества и интерпретации. Самара, 2009. С. 145–150.
- ² *Гоголь Н.* Полн. собр. соч. : в 14 т. М. ; Л., 1937–1952. Т. 1. С. 202.
- ³ См. об этом: *Кривонос В.* Указ. соч. С. 145. Ср. также: «В мире Гоголя, как и в мифах, граница между человеком и царством хаоса оказывается весьма ненадежной» (Там же. С. 20).
- ⁴ *Гончаров С.* Творчество Гоголя в религиозно-мистическом контексте. СПб., 1997. С. 159.
- ⁵ *Белый А.* Мастерство Гоголя. Исследование. М. ; Л., 1934. С. 51.
- ⁶ *Гоголь Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 242.
- ⁷ Там же. С. 214, 219.
- ⁸ Там же. С. 204.
- ⁹ См. об этом: *Иванов В.* Кузнец // Онлайн-энциклопедия «Мифы народов мира». URL: <http://www.mifinarodov.com/k/kuznets.html> (дата обращения: 21.03.2013). Ср. также: «...святые Борис и Глеб в народной мифологии выступают и как кузнецы, и как целители» (*Миллер В.* Очерки арийской мифологии в связи с древнейшей культурой. Т. 1. Асвины – Диоскуры. М., 1876. С. 286).
- ¹⁰ *Потанов Л.* Алтайский шаманизм. Л., 1991. С. 78.
- ¹¹ *Иванов Вяч., Топоров В.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974. С. 159–162. См. об этом также: *Иванов Вяч., Топоров В.* Проблема функций кузнеца в свете семиотической типологии культур // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам. Т. 1 (5). Тарту, 1974. С. 87–90.
- ¹² *Черных Е.* Металл – человек – время. М., 1972. С. 185–188.
- ¹³ *Гоголь Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 219.
- ¹⁴ Там же. С. 208.
- ¹⁵ Там же. С. 234–235.
- ¹⁶ Там же. С. 208.
- ¹⁷ Там же. С. 157.
- ¹⁸ *Гоголь Н.* Указ. соч. Т. 2. С. 217.
- ¹⁹ *Гоголь Н.* Указ. соч. Т. 8. С. 280.
- ²⁰ *Вайскопф М.* Сюжет Гоголя : Морфология. Идеология. Контекст. М., 2002. С. 106.
- ²¹ *Гоголь Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 242.
- ²² Там же. С. 225.
- ²³ Там же. С. 241.
- ²⁴ См. об этом: «Гоголь заблуждался, когда, исходя из собственной живописно-изобразительной манеры, в “Ночи перед Рождеством” позволил кузнецу Вакуле воспроизвести на церковной стене подлинник чорта – такого не допускалось на православной Руси <...> Черти обыкновенно у нас изображались черными и как бы стертными, в профиль, – чтобы не на что было смотреть и чтобы они, храни Бог, с иконы, со стены никак уже на вас не смотрели» (*Терц А.* В тени Гоголя. М., 2009. С. 603–604).
- ²⁵ *Гоголь Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 125.
- ²⁶ *Белый А.* Указ. соч. С. 13.
- ²⁷ *Гоголь Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 235.